

**АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ*****Валерий Владиславович СМИРНОВ^а, Анна Николаевна ЗАХАРОВА^б,
Галина Сергеевна ДУЛИНА^с**

^а кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ), Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

^б кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ), Чебоксары, Российская Федерация
zaharova_an@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6111-7654>
SPIN-код: 9778-6917

^с кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и клинической психологии,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ), Чебоксары, Российская Федерация
dulina.g@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6324-6604>
SPIN-код: 8631-0171

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 711/2019
Получена 07.11.2019
Получена в доработанном
виде 12.12.2019
Одобрена 16.01.2020
Доступна онлайн
28.02.2020

УДК 330.34**JEL:** F41, J23, M13, M20,
M21**Ключевые слова:**

бедность, безработица,
занятость, молодежь,
предпринимательство

Аннотация**Предмет.** Безработица и предпринимательство среди молодежи.**Цели.** Выявить причины молодежной безработицы в современном мироустройстве.**Методология.** Исследование основано на холистическом подходе с применением методов статистического и кластерного анализа.

Результаты. Для проведения холистического анализа молодежной безработицы и предпринимательства в сложившемся мироустройстве пояснена их сущность. Понятие безработицы связывается с отсутствием постоянной работы, а занятость – с получением стабильного дохода. Выявлен рост безработицы в странах с низким и средним уровнями дохода, что является драйвером развития предпринимательства, в том числе молодежного. Этому способствуют государственные проекты, менее популярные в странах с высоким доходом, чем меры содействия созданию рабочих мест и помощь в поиске работы. Проблема безработицы в странах с низким и средним уровнями дохода решается путем смены приоритетов от снижения безработицы к повышению занятости. Высокий уровень безработицы среди молодежи преобладает в развитых странах с высокой долей в ВВП промышленного производства. Прежде всего это связано с необходимостью получения высокого уровня образования и квалификации для высокотехнологичных секторов экономики. Ограниченные возможности получения образования в странах с низким и средним уровнями дохода не являются препятствием для самозанятости и предпринимательства. Результаты исследования разъясняют онтологию молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве, формируя новые компетенции относительно государственной политики снижения уровня безработицы.

Выводы. Особое положение проблемы молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве связано со стабильно высокими значениями показателей динамики уровня бедности работающих у молодежи, которая зависит от гендерных признаков. Высокая безработица наблюдается среди молодежи как у мужчин, так и женщин, но занятость среди мужской молодежи существенно выше.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Смирнов В.В., Захарова А.Н., Дулина Г.С. Анализ молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 286 – 309.
<https://doi.org/10.24891/ea.19.2.286>

Для холистического анализа молодежной безработицы и предпринимательства в сложившемся мироустройстве поясним их сущность. С точки зрения онтологии безработица воспринимается сознанием как абстрактное наличие в экономике лиц трудоспособного возраста, не имеющих работы, но пригодных к ней и ищущих ее. Понятие занятости приближенно к функциональным характеристикам человека и связывает конкретную деятельность людей с удовлетворением их личных и общественных потребностей через получаемый заработок и трудовой доход.

Следовательно, безработица понимается как отсутствие постоянной работы, а занятость – целенаправленная деятельность человека, ориентированная на получение стабильного и высокого дохода. Итак, повышение уровня занятости в большей мере ассоциируется с самозанятостью¹ и предпринимательством, а снижение уровня безработицы – с государственными мерами содействия созданию рабочих мест и помощи в поиске работы.

Наделение понятий безработицы и предпринимательства атрибутом «молодежь» не изменяет их сущности, а лишь выделяет гендерную область проблемы.

Актуальность проблемы молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве связана с особым положением молодежи в структуре уровня бедности среди работающих и в соответствии с целью устойчивого развития (Sustainable Development Goals, SDG)²

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-413-210007.

¹ К самозанятым относятся все те, кто, работая за свой счет, с одним или несколькими партнерами, занимают рабочие места, определенные как «самозанятые рабочие места», то есть рабочие места, где вознаграждение напрямую зависит от полученной прибыли от произведенных товаров и услуг.

² Global Indicator Framework for the Sustainable Development Goals and Targets of the 2030 Agenda for Sustainable

Международной организации труда (International Labour Organization, ILO). Показатель SDG отображает процент бедности работающих, живущих менее чем на 1,9 долл. США в день по паритету покупательной способности³.

В результате исследования прогнозируемой на 2000–2022 гг. динамики данных Human Development Reports ILO выявлено практически синхронное ($40,1 < \sigma^2 < 54,8$) положительное снижение уровня бедности среди работающих в мире при сохраняющихся высоких значениях уровня бедности работающих среди молодежи ($Me = 46\%$; $\sigma^2 < 50,8$) (рис. 1). При этом выход молодежи из «структуры бедности» среди работающих часто приводит к росту безработицы. С одной стороны, это связано с перерывами в работе, вызванных поиском нового источника дохода, а с другой – с переходом на альтернативный доход в виде получения государственного пособия по безработице.

Следовательно, темп прироста безработицы среди молодежи является инвариантом индикатора предпринимательской активности, так как порождает стимулы к трудовой деятельности, самозанятости. Результаты оценки темпов прироста безработицы среди молодежи позволили условно сформировать иерархию стран (табл. 1), в которой можно выделить по высоким медианным показателям Пакистан ($Me = 38,5\%$; $\sigma^2 = 2\,310,1$), Таиланд ($Me = 15,4\%$; $\sigma^2 = 582$) и Люксембург ($Me = 8,1\%$; $\sigma^2 = 516,1$); с низкой дисперсией – Свазиленд ($Me = 0,2\%$; $\sigma^2 = 0,3$), Китай ($Me = 1\%$; $\sigma^2 = 3,3$) и Оман ($Me = 1,1\%$; $\sigma^2 = 3,7$).

Отличительными характеристиками этих стран, по данным МВФ, являются Пакистан – плотность населения 258,45 чел./км², ВВП на душу населения – 5 084 долл. США, индекс

Development. United Nations Statistics Division.
 URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/>

³ Working Poverty Rate. URL: https://www.ilo.org/ilostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page3.jspx?_afPfm=EN&MBI_ID=530

человеческого развития – 0,562 (средний); Таиланд – плотность населения 130,5 чел./км², ВВП на душу населения 7 187 долл. США, индекс человеческого развития – 0,755 (высокий); Люксембург – плотность населения 233,7 чел./км², ВВП на душу населения 125 364 долл. США, индекс человеческого развития – 0,904 (очень высокий).

Итак, высокие медианные показатели темпов прироста безработицы среди молодежи связаны с высокой плотностью населения: Свазиленд – плотность населения 68,4 чел./км², ВВП на душу населения 3 400 долл. США, индекс человеческого развития – 0,588 (средний); Китай – плотность населения 146,3 чел./км², ВВП на душу населения 9 380 долл. США, индекс человеческого развития – 0,752 (высокий). Оман – плотность населения 12,3 чел./км², ВВП на душу населения 45168 долл. США, индекс человеческого развития – 0,821 (очень высокий).

Низкая дисперсия по темпам прироста безработицы среди молодежи определяется высоким значением соотношения плотности населения к ВВП на душу населения. Таким образом, базовые условия возникновения и развития предпринимательства в современном мироустройстве достаточно просты и легко поддаются оценке. В то же время для целостного понимания возможностей преодоления безработицы и развития предпринимательства среди молодежи необходимо оценить помимо плотности, соотношения плотности населения и ВВП на душу населения такие индикаторы, как динамика доли молодежи, не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки; самостоятельная занятость; частные индикаторы занятости и безработицы – коэффициент занятости, общая занятость в промышленности, уровень занятости, доля работников, работающих более 48 часов в неделю и др.

Организация Объединенных Наций определяет молодежь как лиц в возрасте от 15 до 24 лет. Определение появилось в контексте подготовки к Международному году молодежи (1985 г.) и было одобрено Генеральной

Ассамблеей ООН в резолюции 36/28 от 1981 г. (A/36/215)⁴. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/70/1) «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г.⁵ интересы молодежи учитываются во всех целях и задачах.

Сегодня в мире насчитывается 1,2 млрд молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, это 16% мирового населения. Для молодежи проблемы безработицы, неполной занятости и низкого качества рабочих мест остаются нерешенными. Вероятность остаться без работы у молодежи в три раза выше, чем у взрослого населения (в 2017 г. уровень безработицы среди молодежи в мире составлял 13%). Многие молодые люди заняты на низкооплачиваемой, нестабильной или неформальной работе⁶.

Безработицу среди молодежи ILO выделяет как глобальную проблему. Более 64 млн безработных молодых людей во всем мире и 145 млн молодых рабочих живут в нищете⁷.

Основами многостороннего подхода ILO к политике снижения уровня безработицы среди молодежи являются [1]: экономическая политика занятости молодежи; возможность получения образования, профессиональной подготовки и навыков, переход от школы к работе; политика рынка труда; молодежное предпринимательство и самозанятость; право молодежи на труд.

Следует выделить, что одной из причин развития молодежного рынка труда является совокупный спрос. Длительный период безработицы среди молодежи связан с

⁴ Молодежь. Глобальные вопросы повестки дня. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/youth-0/index.html>

⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>

⁶ Youth and the 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA). URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/world-youth-report/wyr2018.html>

⁷ International Labour Organization (ILO). URL: <https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/lang-en/index.htm>

рецессией в экономике, снижение ВВП ведет к росту безработицы среди молодежи [2–4].

Реализация в период рецессии 2008 г. дискреционной антициклической фискальной политики (фискальной экспансии на основе увеличения государственных инвестиционных расходов) в большинстве стран ОЭСР привело к сокращению роста безработицы среди молодежи [5]. Антициклическая фискальная политика является инструментом для уменьшения безработицы среди молодежи во время рецессии. При определенных условиях увеличивающие дефицит бюджета (или уменьшающие профицит бюджета) меры могут смягчить негативное влияние недостаточного совокупного спроса на труд как молодежи, так и старшего поколения, сдерживая любое сокращение занятости и рост безработицы [6].

В течение последнего столетия происходит постепенное движение молодежи из сельского хозяйства в промышленность, и особенно – в сферу услуг. В настоящее время на сельскохозяйственный сектор приходится более половины занятости молодежи в странах с низким и средним уровнем дохода (Low- and Middle-Income Countries, LMICs). Низкие показатели производительности труда в экономике способствуют росту занятости молодежи. Для стран LMICs сельское хозяйство является доминирующим сектором как с точки зрения формирования ВВП, так и доли занятости [7]. Рост объемов производства сельскохозяйственной продукции положительно влияет на снижение безработицы среди молодежи и на ее занятость [1].

Обзор экономиста отдела подготовки и анализа данных Департамента статистики ILO Розины Гаммарано о проблеме доступа к рынку труда для молодежи во всем мире, основанный на глобальных оценках показателей молодежного рынка труда [8], показал, что в 2018 г. 21% молодежи мира не была занята и не обучалась. Будущая ситуация на рынке труда молодых людей сильно зависит от их первоначального опыта, включая и то, как быстро и насколько хорошо они могут получить доступ к рынку труда, а

также навыки и компетенции, приобретенные в результате обучения и профессиональной подготовки. Если смотреть на долю молодежи, которая не занята, не обучается, то обнаруживается поразительная гендерная картина – в 2018 г. более 30% всех молодых женщин в мире не были задействованы в сфере занятости, образования или профессиональной подготовки, по сравнению с 13% молодых мужчин.

Молодые женщины более чем в два раза чаще, чем молодые мужчины, становятся безработными и не получают образование. В то время как 44% молодых мужчин в мире были в сфере занятости в 2018 г., только 29% молодых женщин имели работу. Аналогично 43% молодых мужчин получили образование или обучение исключительно не по найму по сравнению с 40% молодых женщин.

Ситуация особенно тревожна в арабских государствах, где 29% всей молодежи в регионе не были в сфере занятости, образования или профессиональной подготовки в 2018 г. по сравнению с 23% в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Африке, 19% – в Северной и Южной Америке, 14% – в Европе и Центральной Азии. Гендерный разрыв на рынке труда наиболее впечатляющий в арабских государствах, где в 2018 г. 45% молодых женщин не имели работы, образования или обучения (по сравнению с 15% молодых мужчин), в Азиатско-Тихоокеанском регионе 35% молодых женщин не имеют работы, образования или обучения (по сравнению с 12% молодых мужчин).

В 2018 г. было занято 37% всех молодых людей в мире по сравнению с 64% взрослых. Кроме того, 58% всей молодежи были вне рабочей силы по сравнению только с 33% всех взрослых. Эти два факта не удивительны, так как ожидается, что многие молодые люди получают образование, оставаясь вне рабочей силы. Тем не менее анализ уровня безработицы и совокупного уровня безработицы и потенциальной рабочей силы молодежи и взрослых очень красноречивы: в обоих случаях процент молодежи приближается к трехкратному уровню

взрослого населения. В то время как уровень безработицы среди взрослого населения в 2018 г. составлял 4%, среди молодежи этот показатель составлял 12%, и хотя совокупный уровень безработицы и потенциальной рабочей силы среди взрослых составлял 7%, соответствующий показатель среди молодежи составил 20%.

Признавая актуальность проблемы молодежной безработицы, ILO обязалось существенно ее сократить к 2020 г. в рамках программных целей SDG. Цель SDG ILO снизить безработицу среди молодежи в контексте обеспечения устойчивого, всестороннего развития экономики через производительную и продуктивную занятость и достойную работу для всех⁸.

В современном мироустройстве практикой содействия занятости молодежи является субсидирование заработной платы. Программы субсидирования заработной платы молодежи, включая сокращение затрат для фирм по найму молодых людей, стали основой активных программ рынка труда (Active Labour Market Programme/Policy, ALMP) в странах с высоким уровнем дохода (High-Income Countries, HICs), прежде всего с момента начала глобальной рецессии. ALMP меньше распространены в странах LMICs, где больше ориентированы на обучение навыкам и продвижению предпринимательства.

Active Labour Market Programme/Policy – это финансируемые государством программы, направленные на улучшение перспективы участников, состоящие из следующих элементов [1]:

- 1) содействие созданию рабочих мест и помощь в поиске работы (Employment Services and Job Search Assistance, ESJSA). Обычно этим занимаются государственные службы занятости, играющие посредническую роль между фирмами и ищущими работниками;

- 2) субсидированная занятость, принимающая две основные формы:

- занятость в государственных проектах (программах) (Public Employment Programmes, PEPs), таких как строительство инфраструктуры, общественно полезные работы и др.;
- содействие созданию рабочих мест в частном бизнесе через субсидии заработной платы для молодежи;

- 3) обучение молодых людей профессиональным навыкам на работе или вне ее.

Отдельные положения ALMP предлагают ряд мер поддержки, охватывающих более чем один изложенных элементов. Следовательно, участники ALMP получают сочетание форм поддержки, например ESJSA в сочетании с субсидией на заработную плату с частным работодателем при условии, что работодатель проводит обучение.

Основное обоснование введения субсидии на заработную плату заключается в том, что она приведет к росту занятости для целевых групп, снизит стоимость рабочей силы и, как следствие, увеличит спрос на трудовые ресурсы. При этом два фактора ALMP могут привести к эффекту интеграции после истечения срока субсидии вследствие того, что период субсидированной оплаты труда может выступать в качестве устройства скрининга, обеспечивая прямой информацией о производительности молодого человека; субсидируемая заработная плата способствует формированию навыков через обучение на практике [9, 10].

В условиях падения темпов роста мировой торговли и усиления глобальной конкуренции ключевым элементом стратегии содействия занятости молодежи роста в странах LMICs становится развитие самозанятости и предпринимательства.

Рост уровня самозанятости отражает «скрытую» безработицу, когда она выступает в качестве временной альтернативы безработице [11]. Самозанятость может также указывать на

⁸ Programme on Youth Employment. The ILO's. Youth Employment Programme (YEP) Unit. Employment Policy Department. International Labour Office. Switzerland. Global Employment Trends for Youth 2015. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/lang-en/index.htm>

то, что люди заняты неполный рабочий день, например, это касается лиц, которые получают определенный доход от формальной работы, но хотят работать в течение дополнительных часов для увеличения своего дохода. Увеличение самозанятости отражает долгосрочные демографические тенденции, технологическое развитие или институциональные изменения, которые побуждают людей создавать независимые фирмы.

Распространенность самозанятости тесно связана с уровнем дохода на душу населения в стране. В LMICs подавляющее большинство экономически активного населения является самозанятым и сосредоточено в таких секторах, как строительство, сельское хозяйство и уличная торговля [12, 13]. Большинство самозанятых в LMICs задействовано в секторах экономики с низкой производительностью и доходом и, как результат – многие из самозанятых и их семьи остаются бедными.

Самозанятые в странах HICs также имеют мало прав на оплачиваемый отпуск по болезни, отпуск, декретный отпуск или отпуск по уходу за ребенком, компенсации за увольнение. В пределах Евросоюза работающие не по найму, как правило, работают дольше и имеют меньший заработок по сравнению с теми, кто занят полный рабочий день [14].

Самозанятость не всегда является благоприятным статусом занятости для молодежи. Поощрение самозанятости не обязательно является эффективным механизмом, с помощью которого можно повысить социальную мобильность или уменьшить бедность. Во многих случаях самозанятость может рассматриваться как единственно возможный способ в экономически депрессивных районах получать доход.

Итак, самозанятость становится механизмом выживания как со стороны человека, так и его семьи. Самозанятость среди молодежи часто заложена в семье, где родители или другие члены семьи работают не по найму.

Самозанятость менее выгодна в отличие от постоянного найма. Вместо того, чтобы получать постоянный гарантированный доход в формальном секторе, многие карьерные траектории молодежи застряли в цикле между самозанятостью и неоплачиваемой семейной работой, которая сама по себе считается гораздо более негативным явлением [1].

Для оценки возможностей снижения безработицы и развития предпринимательства среди молодежи в современном мироустройстве применим методы описательной статистики, включающей в себя обработку эмпирических данных, их систематизацию, наглядное представление в форме графиков и таблиц, их количественное описание посредством основных статистических показателей. С помощью описательной статистики оценим массив данных по статистическим показателям – медиане и дисперсии.

Для выявления «стимул-реакции» в отношении «безработицы-предпринимательства» применим статистический и кластерный анализ. Статистический анализ выступит как метод сбора, изучения и представления больших объемов данных по признакам [15] и взаимосвязи данных [16], корреляционных взаимосвязей пространственных и временных рядов показателей, что позволит, сохраняя методологию исследования, создать аналитическую платформу для применения кластерного анализа. Кластерный анализ позволит обосновать весомость причин изменения денежной массы (денежного агрегата), выявить основные схемы их группирования, сформулировать гипотезы [17, 18].

Проведенный многоаспектный обзор литературы по проблеме молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве позволяет сделать вывод, что молодежь, не задействованная в сложившейся конструкции видов экономической деятельности, вынуждена создавать новые формы получения дохода (как законные, так и незаконные). В рамках законных форм получения доходов у молодежи выбор ограничен

предпринимательской деятельностью. Регистрация в установленном законом порядке самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг является предпринимательством. Незаконное предпринимательство – деяние, являющееся преступным согласно ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ввиду того, что в мире действует множество нормативных ограничений предпринимательской деятельности [19, 20], а предметом исследования является анализ динамики молодежного предпринимательства в мире, присутствие России в качестве определенного нормативного критерия является необходимым, даже если она не входит в иерархию стран по темпам прироста безработицы среди молодежи (табл. 1). Относительно стабильные медианные значения темпов прироста безработицы среди молодежи ($M_e = -1,8\%$, $\sigma^2 = 66,1$) позволяют войти России в исследование в качестве детерминанты молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве.

Относительно России высокие медианные показатели и дисперсию безработицы среди молодежи демонстрируют Пакистан и Таиланд. Пакистан является развивающейся аграрно-индустриальной страной, а сельское хозяйство – основа экономики. Основные культуры – пшеница, сахарный тростник, хлопок и рис, которые вместе составляют более 75% от общей стоимости экспортируемых культур. Крупнейшая продовольственная культура Пакистана – пшеница, которой в 2017 г. было произведено больше, чем в Африке и почти столько же, сколько во всей Южной Америке.

Таиланд – аграрно-индустриальная страна. Доля сельского хозяйства более 10% в ВВП, в нем занята треть трудоспособного населения.

Несмотря на то, что Пакистан и Таиланд аграрно-индустриальные страны, и согласно концепции ILO SDG развитие

низкопроизводительных секторов экономики (сельского хозяйства) в странах LMICs позволит существенно снизить уровень безработицы среди молодежи, в реальности наблюдается обратный эффект.

В структуре иерархии стран по темпам прироста безработицы среди молодежи (табл. 1) следует выделить высокий уровень этого показателя в развитых странах с высокой долей в ВВП промышленного производства – в Австрии, Италии, Люксембурге и Франции. В первую очередь это связано с необходимостью получения высокого уровня образования и, во-вторых, со скрытой занятостью, когда молодежь не стремится регистрировать свой доход, как правило, реализуя себя в сфере услуг.

Ограниченные возможности получения образования в большинстве стран LMICs (табл. 2) не являются препятствием для самозанятости и предпринимательства (табл. 3), например, в таких странах, как Армения, Афганистан, Бангладеш, Индия, Ирак, Мали, Намибия, Пакистан, Судан, Тринидад и Тобаго, Турция.

Ранжирование стран по высоким показателям доли молодежи, не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки (табл. 2), дополнили результаты исследования Розины Гаммарано [8], указав на негативную тенденцию сохранения длительного периода высоких показателей медианных значений темпов прироста доли молодежи, не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки, не только в слаборазвитых странах Южной Африки, в том числе Намибии, на оккупированных палестинских территориях, но и в развивающихся – Албании, Грузии, Косово, Молдове, Пакистане.

Проблема высоких показателей доли молодежи, не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки, постепенно захватывает Европу. Это является существенной проблемой, так как высокоразвитый европейский рынок труда не может «переварить» избыточное предложение неквалифицированной рабочей силы.

Отмечаются значительные отрицательные медианные значения темпов прироста самостоятельной занятости молодежи в Люксембурге, Греции, Хорватии, Польше, Сербии, Исландии, Бельгии, Мальте, Италии, Португалии и др. (табл. 3).

Подвергнем кластерному анализу темпы прироста индикаторов занятости и безработицы в России (табл. 4). В результате анализа выявлены весомые кластеры:

- взрослое население с высшим образованием, в основном мужчины, задействованы в промышленности;
- возможности повышения уровня занятости, в основном женщин, связаны с сельским хозяйством;
- высокий уровень безработицы среди взрослого населения у мужчин;
- высокий уровень безработицы среди молодежи у женщин.
- потеря основного дохода связана с несмертельным производственным травматизмом.

Результирующие кластеры позволяют выделить гендерную составляющую проблемы российской безработицы и предпринимательства. Высокая безработица наблюдается среди молодежи как у мужчин, так и у женщин, но занятость среди мужской молодежи существенно выше. При этом низкая безработица среди взрослого населения «25+» у мужчин, высокая занятость у женщин.

Сложившаяся экономическая ситуация в России свидетельствует о существенном повышении роли предпринимательства в качестве стратегического ресурса, способного обеспечить повышение национального благосостояния [21].

Естественным итогом проведенного исследования являются взаимодополняющие предложения и мероприятия по улучшению ситуации с молодежной безработицей:

- формирование социального капитала в качестве особой экономической среды и государственных институтов, повышающих

ассоциативную активность факторов предпринимательства [22];

- решение проблемы урбанизации населения, которая лежит в области синхронизации процессов управления малым бизнесом и развития городской экономики [23];
- становление промышленного капитала как части финансового капитала будет способствовать направленному развитию сектора малых и средних предприятий [24];
- развитие механизма производственного сотрудничества и социальной стабилизации, характерного для русского ремесла прошлого, будут поддерживать благоприятный институциональный климат для корпоративного бизнеса [25] и т.д.

Актуальность проблемы молодежной безработицы и предпринимательства в современном мироустройстве связана с особым положением молодежи в структуре уровня бедности среди работающих. Динамика уровня бедности работающих в мире показывает стабильно высокие значения у молодежи. Это негативное явление осложняется высоким процентом молодежи в группе с низкими доходами.

Рост безработицы в странах LMICs стимулирует развитие предпринимательства, в том числе молодежного. Этому способствуют программы PEPs менее популярные в странах NICs, чем меры ESJSA. Например, смещение акцента на предпринимательство в России (страна LMICs) связано не только с сырьевой структурой экономики, не способной откликнуться на государственные меры ESJSA, но и широко развитой программой PEPs, реализуемой в рамках национальных проектов. Благодаря PEPs, Россия демонстрирует значительную и стабильную динамику по снижению темпов прироста безработицы молодежи.

В целом решение проблемы безработицы как отсутствия постоянной работы у населения в странах LMICs осуществляется путем смены приоритетов в направлении занятости, где доминируют личные интересы – получение стабильного дохода. При этом повышение

уровня доходов связывается с samozанятостью и предпринимательством.

В странах HICs рост безработицы приводит к существенным проблемам в экономике, вызванных дополнительными расходами на реализацию государственных мер ESJSA. Высокий уровень безработицы среди молодежи преобладает в странах HICs с высокой долей в ВВП промышленного производства. Прежде всего это связано с необходимостью получения высокого уровня образования и повышения квалификации для высокотехнологичных секторов экономики. Ограниченные возможности получения образования в странах LMICs не являются

препятствием для samozанятости и предпринимательства.

В исследовании выявлен длительный период высоких показателей медианных значений темпов прироста доли молодежи, не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки, не только в слаборазвитых, но и в развивающихся странах. Весомость проблемы занятости и безработицы также зависит от гендерных признаков. Высокая безработица наблюдается среди молодежи как у мужчин, так и у женщин, но занятость среди мужской молодежи существенно выше. В целом рост безработицы среди молодежи может отражать решение продлить образование.

Таблица 1**Иерархия стран по темпам прироста «Me > 0» безработицы среди молодежи (в возрасте 15–24 лет) в 2011–2017 гг., %****Table 1****Hierarchy of countries by Me > 0 growth rate of youth unemployment (ages 15–24) in 2011–2017, percentage**

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Me > 0	б ²
Пакистан	38,5	116,7	56,4	–31,1	61,9	7,4	5,5	38,5	2 310,1
Таиланд	15,4	–6,7	–10,7	28	0	59,4	15,7	15,4	582
Люксембург	17,6	11,4	–17,2	43,5	–21,7	8,1	–9,1	8,1	516,1
Буркина-Фасо	7,7	7,1	6,7	7,5	0	0	0	6,7	15,1
Тринидад и Тобаго	–20	10,7	–25,8	–14,1	6,3	21,4	11,8	6,3	334,1
Монголия	–29,2	–19,6	28	13,3	5,9	57,9	–5	5,9	873,1
Палестина	–8	8,4	5,4	8,8	–8,8	7,2	2,8	5,4	57,3
Доминиканская Республика	29,1	7,5	18,2	–23,7	5,4	–8,8	0	5,4	298,8
Бразилия	–15,5	5,2	–0,6	–1,3	25,9	37,2	11,7	5,2	316,6
Иордания	6,4	–2,2	5,2	–3,1	5,7	15,6	3,4	5,2	38,8
Руанда	7,9	4,9	–27,9	–38,7	0	5,3	5	4,9	357,5
Аргентина	–1,1	0	4,9	–5,7	6,6	17,9	7,4	4,9	58
Италия	4,6	21,2	13,5	6,5	–5,6	–6,4	–2,6	4,6	105,8
Парагвай	6,5	–11,4	–5,9	16,8	–0,9	4,5	11,3	4,5	96,4
Турция	–15,2	–6	7,6	5,3	3,9	5,4	4,1	4,1	68,7
Кыргызстан	–0,6	6,7	–23,4	4,5	7,1	4	0,6	4	113,6
Бангладеш	15,9	12,3	22	3	3,9	3,7	2,7	3,9	59,3
Багамские острова	3,8	13,2	5,5	–14,4	–12,9	5,3	0,4	3,8	103,6
Бахрейн	14,3	–7,1	3,8	0	–1,9	3,8	5,5	3,8	44,9
Иран	–6	1,5	–12,9	5,1	3,6	11,7	5,6	3,6	66,8
Мальдивы	4	14,3	–0,8	8,4	1,6	3,1	2,2	3,1	25,9
Австрия	–6,3	5,6	2,1	7,3	2,9	6,6	–8	2,9	38,3
Ирак	–28	5,2	–5	–5,2	3,1	4,2	2,9	2,9	137,5
Гондурас	3,9	–11,3	2,8	30,1	–15,8	6,3	–3,5	2,8	222,7
Уругвай	–12,6	2,8	3,2	0,5	17,6	5,3	2,5	2,8	77,9
Перу	2,7	–3,9	–8,2	13,4	–10,5	27,9	3,4	2,7	181
Лесото	7,2	–15,4	4,9	1,2	8,9	2,6	–1,3	2,6	65,4
Алжир	2,3	22,7	–9,1	2,8	15,9	–19,7	–0,4	2,3	203,5
Марокко	2,3	3,9	2,1	4,2	4	–10,1	–3,2	2,3	28,4
Панама	–17,4	–15,4	3,8	16,7	0	10,3	2,2	2,2	157,8
Сьерра-Леоне	5,1	6	5,7	2,2	–1,1	–1,1	–3,2	2,2	14,2
Непал	20	14,3	12,5	–7,4	2	–2	–14	2	154,5
Куба	8,2	10,6	–4,1	–18,6	–10,5	2	5,8	2	113,8

Бруней	1,9	0,5	0,5	20,8	0,8	3,8	3,3	1,9	53,7
Республика Корея	-1	-8,2	2,2	8,7	4	1	1,9	1,9	26,4
Барбадос	4,7	7	1,7	14,6	-4,2	-9,3	-1	1,7	61
Гватемала	31,6	-36	22,9	3,4	-3,3	1,7	-3,3	1,7	468,9
Босния и Герцеговина	1,4	1,8	-2,2	11	-0,6	-12,8	2	1,4	50
Судан	-1,8	0	3,4	-2,2	1,8	1,4	1,4	1,4	4,1
Коста-Рика	1,4	4	-1,3	10,5	-8,3	2,2	-4,2	1,4	36,4
Индонезия	2,4	-13,3	1,3	0	9,9	-10,8	4,7	1,3	69,2
Суринам	-7,8	-9,1	2,7	2,6	-15,8	18	1,3	1,3	121
Сальвадор	-15,7	-1,2	1,2	12,8	-9,3	9,1	3,1	1,2	98,5
Афганистан	4,8	-4	5,4	2,3	1,1	-1,1	-1,1	1,1	11,7
Оман	-3	2,7	-0,9	0,7	2	1,1	1,5	1,1	3,7
Армения	0,5	-9,7	1,4	2,8	-13,6	21	1	1	121,3
Бутан	5,8	-23,1	32,9	-1,1	8,7	1	1	1	272,3
Мали	1	3,8	2,8	-27	124,7	-0,5	-0,6	1	2458,8
Китай	4,2	4	1	1,9	0,9	0,9	-0,9	1	3,3
Индия	1	2,9	-4,7	-1	4	1	0	1	8
Гаити	-12,1	3,2	-1,1	1,4	1,1	0,3	0,8	0,8	26,3
Франция	-2,7	8,3	1,7	0,8	1,7	-0,4	-3,7	0,8	15,1
Фиджи	2,5	0,8	-15,2	-11,6	-0,5	1,6	1,6	0,8	52,7
Сент-Люсия	-8,6	0,8	16,5	2	6,5	-7,3	-1,1	0,8	72,7
Намибия	-6	-19,5	19	-5,1	3,6	12,7	0,7	0,7	162
Саудовская Аравия	-2,1	-3,9	5,1	4,5	-3,7	19,3	0,3	0,3	66,1
Свазиленд	0	0,4	0,2	0,2	0	1,1	1,3	0,2	0,3
Российская Федерация	-9,4	-3,2	-5,3	-0,7	16,3	1,2	-1,8	-1,8	66,1

Источник: International Labour Organization. URL: www.ilo.org/ilostat

Source: International Labour Organization. URL: www.ilo.org/ilostat

Таблица 2**Страны с высокими показателями доли молодежи (в возрасте 15–24 лет), не имеющей образования, работы или профессиональной подготовки, %****Table 2****Countries with high rate of youth (ages 15–24) without education, employment or professional training, percentage**

Страна	Значение
2011 г.	
Киргизия	60,54
Малави	50,17
Армения	44,6
Судан	32,81
Египет	32,1
Пакистан	32
Израиль	31,58
Албания	30,01
Турция	29,56
Молдова	29,19
2012 г.	
Киргизия	62,46
Ирак	40,64
Мавритания	39,49
Самоа	38,9
Армения	36,77
Косово	35,13
Гамбия	34
Грузия	32,56
Южно-Африканская Республика	32,21
Египет	31,55
2013 г.	
Тринидад и Тобаго	52,05
Армения	44,37
Науру	36,4
Намибия	32,01
Южно-Африканская Республика	31,97
Оккупированные палестинские территории	31,44
Пакистан	31,01
Албания	30,98
Грузия	30,95
Молдова	28,64

2014 г.	
Зимбабве	48,47
Йемен	44,77
Армения	38,03
Албания	34,5
Оккупированные палестинские территории	32,24
Южно-Африканская Республика	31,31
Пакистан	30,91
Молдова	30,88
Намибия	30,47
Косово	30,18
2015 г.	
Кирибати	46,89
Сенегал	36,24
Армения	35,56
Албания	32,8
Оккупированные палестинские территории	32,24
Косово	31,43
Южно-Африканская Республика	30,5
Пакистан	30,41
Эль Сальвадор	28,54
Босния и Герцеговина	28,14
2016 г.	
Армения	36,58
Кот д'Ивуар	36
Эсватини	35,46
Мали	33,98
Намибия	33,42
Оккупированные палестинские территории	32,43
Южно-Африканская Республика	31,22
Косово	30,1
Тувалу	28,96
Бангладеш	28,88
2017 г.	
Замбия	43,53
Лаос	42,08
Афганистан	42,01

Самоа	37,93
Армения	36,59
Гайана	35,2
Кот д'Ивуар	34,83
Уганда	33,47
Оккупированные палестинские территории	33,24
Малави	32,9
2018 г.	
Оккупированные палестинские территории	33,45
Намибия	31,76
Южно-Африканская Республика	31,56
Пакистан	30,96
Индия	30,41
Кабо-Верде	30,25
Косово	30,11
Эль Сальвадор	27,15
Грузия	26,85
Мали	26,72

Источник: International Labour Organization. URL: www.ilo.org/ilostat

Source: International Labour Organization. URL: www.ilo.org/ilostat

Таблица 3**Темпы прироста самостоятельной занятости молодежи в 2011–2018 гг., %****Table 3****Rate of growth of self-employed youth in 2011–2018, percentage**

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Me	б ²
Европейский союз (28 стран)	-1,1	1,6	-5	-0,2	-0,1	0,5	-1,7	-1,9	-0,6	3,5
Еврозона (19 стран)	1,2	0,9	-1,5	-0,6	-4,4	-0,4	-6	0,4	-0,5	6
Бельгия	20,4	-9,1	20	-10,6	13,7	-16,9	-2,6	-11,5	-5,9	207,3
Болгария	-38,2	-4,8	23,3	-1,4	-30,1	-3,9	24,5	-26,2	-4,3	480,7
Чехия	-1,1	7	-17,1	-24,4	-16,9	26,3	3,1	-3	-2,1	231,4
Дания	-10,2	9,1	-10,4	23,3	-1,9	23,1	-14,1	0	-0,9	191,9
Германия	25,6	0,1	-13,6	0,5	-8,8	-5,2	16,6	-2,5	-1,2	152
Эстония		5,6	-21,1	-	-	-	25	20	12,8	326,2
Ирландия	8,1	-35	15,4	10	-15,2	57,1	-13,6	-13,2	-2,5	684,2
Греция	-25	-15,1	3,7	12,9	-27,2	-18,3	56,4	-17	-16,1	700
Испания	-7,1	9	-4,8	5	-7,4	-16,5	-0,3	13,9	-2,5	86,9
Франция	14	-17,4	9,8	-1,9	-4,2	17,9	-16,1	13,2	4	168,1
Хорватия	-7,5	1,4	0	-70,7	-40,9	146,2	-15,6	-11,1	-9,3	3 566,8
Италия	-3,6	7,9	-9,4	1,9	-10,4	-0,7	-16,2	-7,4	-5,5	51,5
Кипр	-33,3	0	0	-8,3	0	9,1	-8,3	-18,2	-4,2	154,5
Латвия	-21,4	9,1	29,2	25,8	5,1	-22	-15,6	29,6	7,1	436,8
Литва	-	-	-	26,8	5,8	20	-16,7	-29,1	5,8	456,8
Люксембург	-	-	-	-	-	8,3	-23,1	-30	-23,1	294,9
Венгрия	-32,5	32,7	-8,7	6,3	4,5	7,1	9,3	-6,1	5,4	303,4
Мальта	-18,2	44,4	0	-38,5	12,5	-11,1	-25	50	-5,6	901,6
Нидерланды	1,9	-3,8	32,8	-8,2	11,4	3,7	-11,5	3,2	2,5	168
Австрия	-29	32,4	-1,1	7,5	-13	5,7	-20,7	9,6	2,3	333,7
Польша	-8,9	-1,7	-9,9	-8,4	11,8	14,5	-8,9	-6,2	-7,3	87,3
Португалия	8,9	13,6	-4,8	-14,3	-8,8	-4,3	-7,9	43,9	-4,6	318,2
Румыния	-21,1	-0,6	-12	1,3	27,4	-9,1	4,1	-5,7	-3,2	180,4
Словения	-5,6	-5,9	-50	12,5	100	-38,9	45,5	6,3	0,3	1985,1
Словакия	-19,2	1,3	-25,3	0,8	-1,7	8,5	20,5	-10,5	-0,4	192,6
Финляндия	16,9	6	-10,2	-10,1	12,7	12,5	-14,4	-3,9	1,1	132,3
Швеция	-5,1	2,7	0,9	0	3,5	-13,4	6,8	-5,5	0,4	36,6
Великобритания	11,7	3,2	-8,7	9,4	1,5	-1,2	7,5	-2,6	2,4	40,5
Исландия	-	-	-	-	-12,5	0	14,3	-37,5	-6,3	363,4
Норвегия	19,6	9,1	-3,3	5,2	-9,8	7,3	-	-	6,2	87,5
Швейцария	-53,6	-17,6	14,7	8,1	-21,5	17,8	-4,7	8,5	1,7	512,3
Северная Македония	26,1	6,9	-9,7	-10,7	4	-7,7	16,7	-35,7	-1,8	319,1
Сербия	-16,7	-5	6,5	-7,7	-19,8	24,6	-4,8	-13,8	-6,4	181,5
Турция	1,7	-14	-2,4	-5	3,1	-7,9	10	0,1	-1,1	47,1

Источник: Eurostat. Your Key to European Statistics. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>*Source:* Eurostat. Your Key to European Statistics. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

Таблица 4**Кластеры темпов прироста индикаторов занятости и безработицы в России в 2010–2018 гг.****Table 4****Clusters of the rate of increase in employment and unemployment indicators in Russia in 2010–2018**

Кластер		Квадрат евклидова расстояния
I	II	
Доля взрослого населения с высшим образованием	Коэффициент занятости, мужчины	24,24
	Общая занятость в промышленности	43,215
	Уровень занятости молодежи	82,672
	Уровень занятости	106,859
	Доля работников, работающих более 48 ч в неделю	537,914
	Уровень безработицы	593,918
	Несмертельный производственный травматизм на 100 000 работников	728,196
Уровень занятости	Занятость населения	2,675
	Коэффициент занятости, женщины	11,18
	Общая занятость в сельском хозяйстве	89,115
Коэффициент занятости, мужчины	Соотношение занятости к численности населения, мужчины	3,27
Общая занятость в промышленности	Соотношение занятости к численности населения, женщины	2,706
	Общая численность занятых в сфере услуг	9,821
Общая численность занятых в сфере услуг	Среднее количество фактически отработанных часов в неделю на одного занятого человека	3,146
Уровень безработицы	Уровень безработицы, женщины	20,897
	Уровень безработицы, мужчины	32,527
	Уровень безработицы среди молодежи	491,689
Уровень занятости молодежи	Уровень занятости молодежи, мужчины	1,426
	Уровень занятости молодежи, женщины	5,961
Уровень безработицы среди молодежи	Уровень безработицы среди молодежи, мужчины	6,462
	Уровень безработицы среди молодежи, женщины	32,235
Несмертельный производственный травматизм на 100 000 работников	Потерянные дни на профессиональную травму	79,294
	Смертельный производственный травматизм на 100 000 работников	302,64

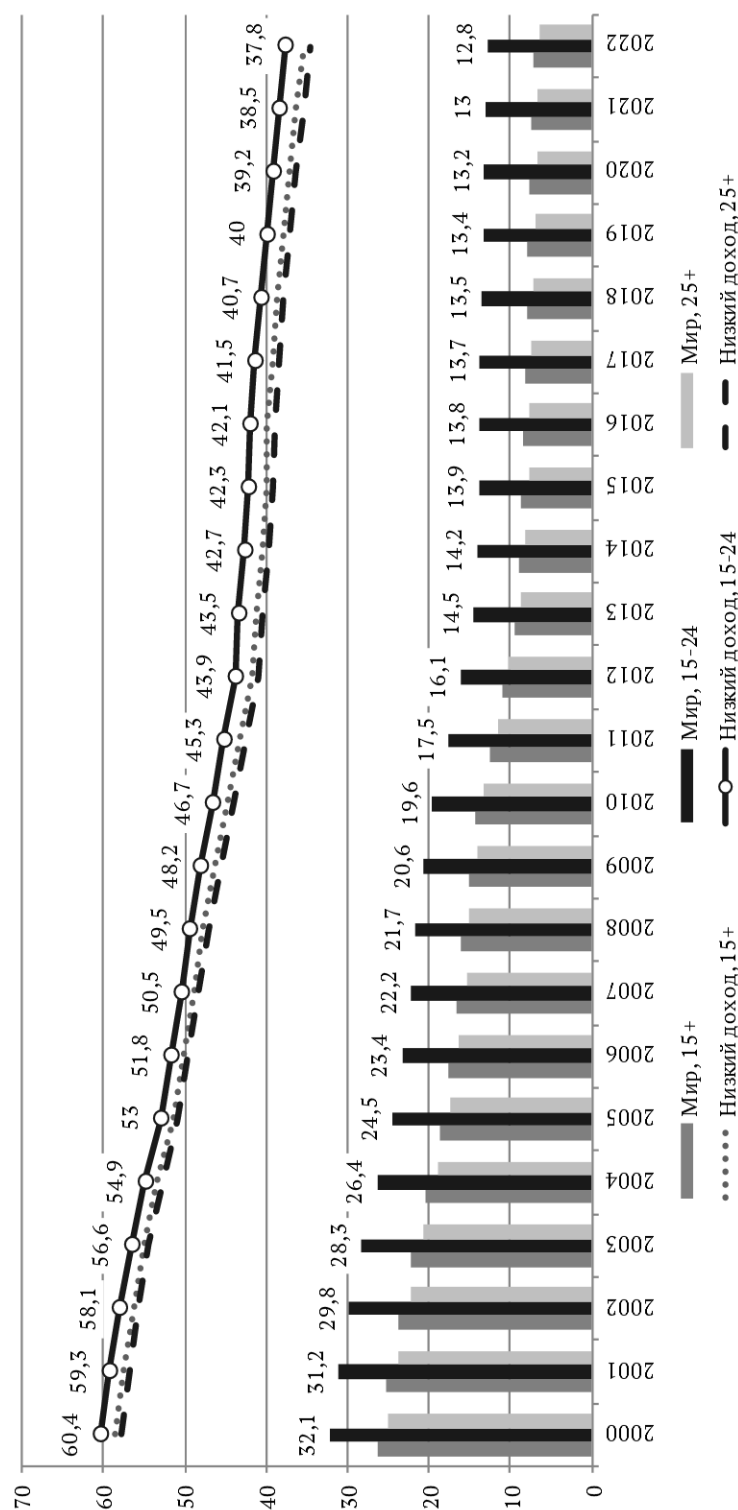
Источник: International Labour Organization. URL: www.ilo.org/ilostatSource: International Labour Organization. URL: www.ilo.org/ilostat

Рисунок 1

Динамика уровня бедности работающих в мире и низких доходов по возрастным группам «15+», «15–24», «25+» (процент занятых, живущих менее чем на 1,9 долл. США в день по ППС), %

Figure 1

Trends in the level of poverty among workers worldwide and the low income by 15+, 15–24, 25+ age groups (percentage of employed living below USD 1.9 at PPP), percentage

Источник: Working Poverty Rate.

URL: https://www.ilo.org/flostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page3.jspx?locale=EN&MBI_ID=530

Source: Working Poverty Rate.

URL: https://www.ilo.org/flostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page3.jspx?locale=EN&MBI_ID=530

Список литературы

1. O'Higgins N. Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues. International Labour Office, Geneva, ILO, 2017, 247 p.
URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_556949.pdf
2. Matsumoto M., Hengge M., Islam I. Tackling the Youth Employment Crisis: A Macroeconomic Perspective. *ILO Employment Working Paper*, 2012, no. 124.
URL: https://www.skillsforemployment.org/KSP/en/Details/?dn=WCMSTEST4_071445
3. O'Higgins N. This Time It's Different? Youth Labour Markets during 'The Great Recession'. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54, iss. 2, pp. 395–412.
URL: <https://link.springer.com/article/10.1057%2Fces.2012.15>
4. Choudhry M., Marelli E., Signorelli M. Youth Unemployment and the Impact of Financial Crises. *International Journal of Manpower*, 2012, vol. 33, iss. 1, pp. 76–95.
URL: <https://doi.org/10.1108/01437721211212538>
5. Gechert S. What Fiscal Policy Is Most Effective? A Meta-Regression Analysis. *Oxford Economic Papers*, 2015, vol. 67, iss. 3, pp. 553–580. URL: <https://doi.org/10.1093/oep/gpv027>
6. O'Higgins N. Youth Unemployment. *IZA Policy Paper*, June 2015, no. 103.
URL: <http://ftp.iza.org/pp103.pdf>
7. Loayza N.V., Raddatz C. The Composition of Growth Matters for Poverty Alleviation. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 93, iss. 1, pp. 137–151.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.03.008>
8. Gammarano R. Labour Market Access – A Persistent Challenge for Youth Around the World. A Study Based on ILO's Global Estimates for Youth Labour Market Indicators.
URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_676196.pdf
9. Heckman J., Lochner L., Cossa R. Learning-by-Doing vs. On-the-Job Training: Using Variation Induced by the EITC to Distinguish Between Models of Skill Formation. *NBER Working Paper*, 2002, no. 9083. URL: <https://www.nber.org/papers/w9083.pdf>
10. Kluve J., Puerto S., Robalino D. et al. Interventions to Improve the Labour Market Outcomes of Youth: A Systematic Review of Training, Entrepreneurship Promotion, Employment Services and Subsidized Employment Interventions. Campbell Collaboration, 2017.
11. Tatomir S. Self-Employment: What Can We Learn from Recent Developments? *Bank of England Quarterly Bulletin*, 2015, Q1. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/quarterly-bulletin/2015/q1/self-employment-what-can-we-learn-from-recent-developments>
12. Gindling T.H., Newhouse D. Self-Employment in the Developing World. *World Development*, 2014, vol. 56, pp. 313–331. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.03.003>
13. Кетько Н.В., Акимова О.Е. Исследование мотивационных предпочтений предпринимателей в целях развития российского малого бизнеса // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 9. С. 27–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-motivatsionnyh-predpochteniy-predprinimateley-v-tselyah-razvitiya-rossiyskogo-malogo-biznesa/viewer>

14. D'Arcy C., Gardiner L. Just the Job – or a Working Compromise? The Changing Nature of Self-Employment in the UK. URL: <https://www.resolutionfoundation.org/app/uploads/2014/05/Just-the-job-or-a-working-compromise.pdf>
15. Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H. Research Methods in Human Computer Interaction. Morgan Kaufmann, 2017, 560 p.
16. Schofield S. Impressive Statistical Analysis. *Science and Public Policy*, 1993, vol. 20, iss. 3, pp. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>
17. Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C. To Cluster, or Not to Cluster: An Analysis of Clusterability Methods. *Pattern Recognition*, 2019, vol. 88, pp. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>
18. Favero L.P., Belfiore P. Chapter 11: Cluster Analysis. In: *Data Science for Business and Decision Making*, Elsevier, 2018, pp. 311–382. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>
19. Курпаяниди К.И. «Ведение бизнеса 2017: равные возможности для всех» как драйвер регулирования предпринимательской среды // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. Вып. 3. С. 533–544. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.3.533>
20. Балакина Г.Ф., Кылыдай А.Ч. Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 35. С. 22–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-osobennostey-rynka-truda-slabourbanizirovannogo-regiona/viewer>
21. Сергеева К.И., Закорецкая О.С. Роль малого бизнеса в развитии экономики Архангельской области // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 12. С. 153–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-biznesa-v-razvitii-ekonomiki-arhangelskoy-oblasti/viewer>
22. Харин А.Г. Анализ социального капитала как среды предпринимательской деятельности // *Экономический анализ: теория и практика*. 2019. Т. 18. Вып. 9. С. 1700–1716. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.18.9.1700>
23. Важдаев А.Н., Мицель А.А. Однофакторная динамическая модель управления деятельностью малого бизнеса моногорода // *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. Т. 17. Вып. 5. С. 950–966. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.17.5.950>
24. Булганина С.Н., Баркова Е.А. Сектор малых и средних предприятий как условие формирования промышленного и финансового капитала в российской экономике // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. Вып. 2. С. 221–230. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.2.221>
25. Шулимова А.А. Институционально-эволюционный анализ производственного предпринимательства России: корпоративные организации города // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 24. С. 54–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-evolyutsionnyy-analiz-proizvodstvennogo-predprinimatelstva-rossii-korporativnye-organizatsii-goroda/viewer>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**AN ANALYSIS OF YOUTH UNEMPLOYMENT AND ENTREPRENEURSHIP
IN THE WORLD TODAY****Valerii V. SMIRNOV^{a,*}, Anna N. ZAKHAROVA^b, Galina S. DULINA^c**^a I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU), Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>^b I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU), Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
zaharova_an@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6111-7654>^c I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU), Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
dulina.g@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6324-6604>

* Corresponding author

Article history:Article No. 711/2019
Received 7 November 2019
Received in revised form
12 December 2019
Accepted 16 January 2020
Available online
28 February 2020**JEL classification:** F41, J23,
M13, M20, M21**Keywords:** poverty,
unemployment, employment,
youth, entrepreneurship**Abstract****Subject** We consider the unemployment and entrepreneurship among young people.**Objectives** The aim of the study is to identify causes of youth unemployment and entrepreneurship in the modern world pattern.**Methods** The study rests on a holistic approach, using the methods of statistical analysis and cluster analysis.**Results** We specify the essence of youth unemployment, reveal the growth of unemployment in low- and middle-income countries, which is a driver of youth entrepreneurship. The problem of unemployment in low- and middle-income countries is addressed by shifting priorities from reducing the unemployment to increasing the employment. The high level of unemployment among young people prevails in developed countries with a high share in GDP and industrial output. First of all, this is due to the need to obtain a high level of education and qualifications for high-tech sectors of economy. Limited educational opportunities in low- and middle-income countries are not an obstacle to self-employment and entrepreneurship. The findings clarify the ontology of youth unemployment and entrepreneurship in the modern world, creating new competencies in relation to the public policy aimed at unemployment reduction.**Conclusions** The specifics of youth unemployment and entrepreneurship in the modern world is associated with consistently high indicators of poverty level of the working youth, which depends on gender characteristics. High unemployment is observed among young people, both men and women, however, the employment among male youth is significantly higher.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Smirnov V.V., Zakharova A.N., Dulina G.S. An Analysis of Youth Unemployment and Entrepreneurship in the World Today. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2020, vol. 19, iss. 2, pp. 286–309.
<https://doi.org/10.24891/ea.19.2.286>**Acknowledgments**

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Administration of the Chuvash Republic as part of scientific project № 19-413-210007.

References

1. O'Higgins N. Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues. International Labour Office, Geneva, ILO, 2017, 247 p.
URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_556949.pdf
2. Matsumoto M., Hengge M., Islam I. Tackling the Youth Employment Crisis: A Macroeconomic Perspective. *ILO Employment Working Paper*, 2012, no. 124.
URL: https://www.skillsforemployment.org/KSP/en/Details/?dn=WCMSTEST4_071445
3. O'Higgins N. This Time It's Different? Youth Labour Markets during 'The Great Recession'. *Comparative Economic Studies*, 2012, vol. 54, iss. 2, pp. 395–412.
URL: <https://link.springer.com/article/10.1057%2Fces.2012.15>
4. Choudhry M., Marelli E., Signorelli M. Youth Unemployment and the Impact of Financial Crises. *International Journal of Manpower*, 2012, vol. 33, iss. 1, pp. 76–95.
URL: <https://doi.org/10.1108/01437721211212538>
5. Gechert S. What Fiscal Policy Is Most Effective? A Meta-Regression Analysis. *Oxford Economic Papers*, 2015, vol. 67, iss. 3, pp. 553–580. URL: <https://doi.org/10.1093/oep/gpv027>
6. O'Higgins N. Youth Unemployment. *IZA Policy Paper*, June 2015, no. 103.
URL: <http://ftp.iza.org/pp103.pdf>
7. Loayza N.V., Raddatz C. The Composition of Growth Matters for Poverty Alleviation. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 93, iss. 1, pp. 137–151.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.03.008>
8. Gammarano R. Labour Market Access – A Persistent Challenge for Youth Around the World. A Study Based on ILO's Global Estimates for Youth Labour Market Indicators.
URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_676196.pdf
9. Heckman J., Lochner L., Cossa R. Learning-by-Doing vs. On-the-Job Training: Using Variation Induced by the EITC to Distinguish Between Models of Skill Formation. *NBER Working Paper*, 2002, no. 9083. URL: <https://www.nber.org/papers/w9083.pdf>
10. Kluve J., Puerto S., Robalino D. et al. Interventions to Improve the Labour Market Outcomes of Youth: A Systematic Review of Training, Entrepreneurship Promotion, Employment Services and Subsidized Employment Interventions. Campbell Collaboration, 2017.
11. Tatomir S. Self-Employment: What Can We Learn from Recent Developments? *Bank of England Quarterly Bulletin*, 2015, Q1. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/quarterly-bulletin/2015/q1/self-employment-what-can-we-learn-from-recent-developments>
12. Gindling T.H., Newhouse D. Self-Employment in the Developing World. *World Development*, 2014, vol. 56, pp. 313–331. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.03.003>
13. Ket'ko N.V., Akimova O.E. [Researching the motivational preferences of entrepreneurs for Russian small business development]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2016, no. 9, pp. 27–38.

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-motivatsionnyh-predpochteniy-predprinimateley-v-tselyah-razvitiya-rossiyskogo-malogo-biznesa/viewer> (In Russ.)
14. D'Arcy C., Gardiner L. Just the Job – or a Working Compromise? The Changing Nature of Self-Employment in the UK. URL: <https://www.resolutionfoundation.org/app/uploads/2014/05/Just-the-job-or-a-working-compromise.pdf>
 15. Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H. Research Methods in Human Computer Interaction. Morgan Kaufmann, 2017, 560 p.
 16. Schofield S. Impressive Statistical Analysis. *Science and Public Policy*, 1993, vol. 20, iss. 3, pp. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>
 17. Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C. To Cluster, or Not to Cluster: An Analysis of Clusterability Methods. *Pattern Recognition*, 2019, vol. 88, pp. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>
 18. Favero L.P., Belfiore P. Chapter 11: Cluster Analysis. In: *Data Science for Business and Decision Making*, Elsevier, 2018, pp. 311–382. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>
 19. Kurpayanidi K.I. [“Doing Business 2017: Equal Opportunity for All” as a driver to control business environment]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, iss. 3, pp. 533–544. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.3.533>
 20. Balakina G.F., Klygydai A.Ch. [Investigating the labor market specifics in the region with low rate of urbanization]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2015, no. 35, pp. 22–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-osobennostey-rynka-truda-slabourbanizirovannogo-regiona/viewer> (In Russ.)
 21. Sergeeva K.I., Zakoretskaya O.S. [The role of small businesses in the Arkhangelsk Oblast economy development]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2016, no. 12, pp. 153–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-biznesa-v-razvitii-ekonomiki-arhangelskoy-oblasti/viewer> (In Russ.)
 22. Kharin A.G. [Social capital as an environment for entrepreneurship]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2019, vol. 18, iss. 9, pp. 1700–1716. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.18.9.1700>
 23. Vazhdaev A.N., Mitsel' A.A. [One-factor dynamic model to manage small businesses in a single-industry city]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2018, vol. 17, iss. 5, pp. 950–966. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.17.5.950>
 24. Bulganina S.N., Barkova E.A. [The small and medium-sized enterprise sector as a condition for industrial and financial capital formation in the Russian economy]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, iss. 2, pp. 221–230. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.2.221>
 25. Shulimova A.A. [Institutional and evolutionary analysis of Russian industrial business: corporate city organizations]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2015, no. 24, pp. 54–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno->

evolyutsionnyy-analiz-proizvodstvennogo-predprinimatelstva-rossii-korporativnye-organizatsii-goroda/viewer (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.